

УДК 72.03 (470.40)

Г.Г. Нугманова – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник

E-mail: architec@mi.ru

**Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
Российской академии архитектуры и строительных наук**

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЯХ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ***

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнению систем регулирования архитектурно-градостроительных процессов в городах Российской и Османской империй в XVIII-начале XX века. В обеих империях идея европеизации городского строительства была привлекательна для властей и, начиная с определенного момента, признавалась и обществом. Однако власть и общество в Османской Турции воспринимали друг друга как единое целое в значительно большей степени, чем в России. Если в Российской империи, начиная с Петра I, власть рассматривала себя как источник европеизации всего остального общества, то в Османской она, скорее, хотела европеизироваться вместе с этим обществом. Данное обстоятельство объясняет тот факт, что хотя идеи урегулирования городского строительства проникли в обе империи примерно одновременно, но в форму законодательных и административных актов они были облечены в России значительно раньше, чем в Турции. Такая характерная для России форма европеизации, как законодательное внедрение образцовых проектов европейского происхождения, в Османской столице не отмечалась вовсе. Влияние европейской архитектуры на турецкую было также весьма значительным, но она никогда не внедрялась административными мерами. Османское законодательство основывалось на нормах ислама, согласно которым частная собственность имела приоритет над общественной. Это создавало большие затруднения в перепланировке городов в европейском духе регулярности и позволило сохранить даже в столице Османской империи традиционный уклад, отвечающий мусульманской концепции города.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, Османская империя, архитектурно-градостроительная деятельность, система законодательного и административного регулирования, мусульманская концепция города.

G.G. Nugmanova – candidate of fine art, senior researcher

**The Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences**

**THE LEGISLATIVE AND ADMINISTRATIVE REGULATION OF ARCHITECTURE
AND URBAN ACTIVITIES IN RUSSIAN AND OTTOMAN EMPIRES
IN THE ERA OF MODERNIZATION**

ABSTRACT

The paper addresses the first comparative studies of the regulatory processes in the field of Architecture and Town planning in Russian and Ottoman Empires in the XVIII th – early XX th centuries. The idea of Europeanization of the urban space was attractive for both Empires. But the Authority and the Society in Ottoman Turkey were united to a much greater extent than in Russia. In Russian Empire since Peter I the Authority saw itself as a source of Europeanization of the rest Society, while the Turkey one would Europeanize together with the Society. The Russian Authority considered itself as a part of a Europe, while the Sultan's court referred itself to Turkey. Ottoman law was based on the norms of Islam, under which private property had priority over the public. This created great difficulties in the urban redevelopment in the European spirit of regularity and helped to preserve the traditional way of life in the capital of the Ottoman Empire fit with the Muslim concept of the city.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке совместного российско-турецкого гранта РФФИ-TUBITAK (проект № 09-06-91219 СТ_a).

KEYWORDS: Russian Empire, Ottoman Empire, architecture and urban activity, the system of legislation and administrative regulation, Muslim concept of the city.

Вопросы законодательного и административного регулирования архитектурно-градостроительной деятельности занимают ключевое место в предпринятом автором более широком фундаментальном исследовании процессов европеизации двух принципиально различных в отношении государственности групп поселений – городов Османской империи с одной стороны, и Волго-Уральского региона, находившихся в составе православной Российской империи, – с другой. Тюрко-мусульманский этно-конфессиональный культурный компонент этих городов обусловил особенности восприятия европейской урбанистической модели. Эта модель, служащая своего рода идеалом и образцом, дошла в отдаленные от центра европейского культурного ареала регионы в неоднократно отраженном и преломленном сквозь призму иных этнических и конфессиональных традиций виде и приобрела качественно иное состояние. В то же время различия культурно-политических ситуаций в империях привели к различным формам трансформации тюрко-мусульманской архитектурно-градостроительной традиции.

К концу XVII столетия Россия и Османская империя, представлявшие собой традиционные закрытые общества, испытывали экономическое и политическое отставание от передовых европейских стран. Перед обоими государствами встала настоятельная необходимость в интеграции в общеевропейское культурное пространство.

Модернизация России была объявлена волевым решением власти. Восемнадцатый век в России, начавшись с реформ Петра I, прошел под знаком всеобщей и всесторонней европеизации, которая в первую очередь коснулась архитектуры и градостроительства. Власть с решительностью и размахом, всегда отличавшими российских администраторов, внедряла европейские архитектурно-градостроительные нормы, основанные на принципах регулярности. Символом радикальных перемен стало создание новой столицы европейского типа. Во второй половине столетия, в период правления Екатерины II, усилия власти были сосредоточены на преобразовании российской провинции. Административно-территориальное переустройство империи предполагало основание новых городов и коренную реконструкцию старых. Российские поселения с европейским обликом должны были служить зримым доказательством приобщения империи к европейской культуре. Жесткость проводимой государством политики принесла свои результаты уже к концу столетия, когда значительное количество провинциальных городов буквально шагнули из средневековья в эпоху Нового времени, в то время как столичный Стамбул вплоть до середины XIX столетия сохранял традиционный уклад жизни, которому отвечала традиционная архитектурно-градостроительная среда. Широкомасштабные преобразования стали возможными исключительно благодаря централизованной государственной системе административно-законодательного регулирования и организации архитектурно-градостроительной деятельности в империи.

Первые на Руси государственные указы, регламентирующие строительную деятельность, были направлены на защиту Москвы от пожаров, поощрение каменного строительства и запрет деревянных построек в кремле и прилегающих районах [5, с. 11]. Хаотичность и теснота застройки в условиях частного владения участками стали причиной безуспешности первых попыток урегулирования улиц и площадей средневекового города. Европейские идеи регулярности были известны еще в допетровское время (геометрически правильную форму имели крепости и монастыри, регулярной планировкой отличались даже некоторые города XVII – начала XVIII века, как, например, Тюмень и Тобольск [там же]). Оживившиеся к концу XVII века торговые и дипломатические сношения с Европой способствовали ознакомлению и использованию пригодного в наших условиях зарубежного опыта градостроительства с его тенденцией к типизации обывательского жилищного строительства. Европейские города восхищали Петра, будущего первого российского императора, и его спутников, а также дипломатов и отправленных на обучение «пенсionеров». Голландские городки с каналами, застроенными небольшими домиками, немецкие средневековые «бурги» с громадными соборами, Версаль с его строгой регулярностью, грандиозным парком, фонтанами и стриженными деревьями [9, с. 8] – все это будет вскоре воспроизведено в России через призму иных ценностных ориентиров, составив основу русского регулярного градостроения. Главной регулирующей силой стало основанное Петром I абсолютистское государство, заинтересованное в росте новых промышленных городов, крепостей и административных центров вновь учрежденных губерний и уездов [там же].

Подобно Петру был очарован Европой и Мехмет Челеби, в 1720 г. прибывший в Париж в качестве первого посла Османской империи с правительственным заданием изучить достижения в области промышленности и военного дела. Его впечатления от увиденного, подробно описанные в отчетах, не замедлили проявиться в архитектуре османской столицы, прежде всего в собственных резиденциях Мехмета паши. Особенно полюбившиеся французские регулярные сады украсили гаремы султанских дворцов, а версальские фонтаны вдохновили на устройство городских общественных фонтанов – новый для османской культуры тип общественных сооружений, с устройством общественного пространства (*fountain meydanı*) вокруг них [4]. Так османы впервые подошли близко к идее специальной организации городского пространства, чуждой для мусульманской градостроительной традиции, не знавшей площадей, кроме базарных, которые всегда появлялись стихийно. Европейские формы рококо и барокко украсили джами мечети знати, сложившиеся своей архитектурой в классический период Османской империи [4]. Таким образом, элементы европейской архитектурной культуры с небольшим запаздыванием от России стали проникать и в турецкую столицу.

Однако, турецкие власти, используя новые элементы культуры для себя, не ставили целью их повсеместное распространение и, тем более, не ставили целью внедрение средствами административно-законодательного давления. Османское общество продолжало жить в соответствии с традиционным укладом жизни, так же, как и власть, считавшая себя частью этого общества. Модернизировалась империя с помощью приглашенных европейских специалистов. Вынужденное реформирование прежде всего коснулось военной области, вызвав волну строительства солдатских казарм, которые стали выступать символами этой модернизации. Со второй половины XVIII столетия такими символами являлись европейские промышленные предприятия, полностью основанные на собственных технологиях и даже профессиональных кадрах. Район крепости Галата на северном берегу залива Золотой Рог стал местом сосредоточения европейцев и европейской культуры. По другую сторону залива на Стамбульском полуострове господствовало турецкое общество во главе с султаном и с традиционной структурой управления [2, 4].

Традиционная османская административная система была децентрализована. Все социальные программы, касающиеся здоровья, образования, социальной безопасности, находились в руках автономных сообществ – милетах, этнических группах, гильдиях, религиозных орденах. В исламе религиозная и административная функции не разделялись. Первым лицом в системе был главный визирь (*grandvizier*), которому подчинялись кадии (*kadis*), исламские судьи, которые и обладали реальной властью в городах. Именно они выполняли множество городских функций, в том числе контроль в области строительства. Регламентация городского строительства впрочем ограничивалась определением ширины улиц и высоты зданий. На более низком уровне кадиям подчинялись наибы (*naibs*), возглавлявшие общества на квартальном уровне, и имамы (*imams*) – главные лица в махаллях [7]. Традиционная административная структура продолжала сохраняться вплоть до середины XIX столетия, когда новые законодательные реформы открыли путь к созданию городских администраций западного типа. Но даже и тогда реформы коснулись лишь столицы, а также привлекательных для европейского рынка приморских и промышленных городов, таких как Измир и Бурса [1, 3].

В отличие от Османской империи в России европеизированная элита считала необходимым европеизировать всю страну. Символом модернизирующейся России стал Санкт-Петербург, новая имперская столица, созданная по европейскому образцу. Небывалая для своего времени задача застройки города по единому плану, в короткие сроки, в тяжелых природных условиях, при нехватке строительных материалов и квалифицированных кадров потребовала не только сосредоточения руководства всем строительным процессом в руках государства, но и выработки новых приемов и методов организации архитектурно-строительной деятельности.

Практическое осуществление проектов регулярной планировки застройки городов, начиная с петровского времени, возлагалось на специальные государственные строительные органы – Канцелярии, а затем Комиссии, первая из которых была создана в 1706 г. для проектирования новой столицы – Петербурга. Комиссии претворяли в жизнь принцип регулярности, ставший основным принципом всего государственного управления. Совместно с полицией они контролировали соблюдение застройщиками правил регулярного строительства [5, с. 14; 9, с. 8-9]. Во второй половине столетия, в период правления Екатерины II, усилия власти были сосредоточены на преобразовании российской провинции. Основанием послужил Указ Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо».

Созданная при Сенате Комиссия строений Санкт-Петербурга и Москвы развила опыт, выработанный в ходе строительства новой столицы, с единообразием в приемах проектирования и широким использованием образцовых проектов, в первую очередь в области наиболее массового частного строительства. За короткий период ее деятельности было разработано более 300 планов городов [5, с. 61]. К началу XIX в. все губернские центры имели европейский облик. Началась интенсивная работа по урегулированию уездных городов, часть которых была назначена из сел. Государственная задача по пересозданию среды исторических городов и созданию новых завершилась к середине столетия. Разработка планов городов во второй половине XIX-начале XX века ставила своей целью закрепление достигнутого в предшествующий период [6, с. 211]. Образцовые проекты, отступление от которых в законодательном порядке было запрещено, служили средством контроля со стороны государства архитектурного облика городов и внедрения в русскую культуру европейских художественных норм и вкусов. Они продолжали выполнять эту роль и в XIX столетии вплоть до окончательного придания европейского вида самым заштатным городам империи. Они охватывали все более широкий типологический круг сооружений, стилистически соответствовали последовательно сменявшим друг друга европейским течениям барокко, классицизму и эклектике [8]. Работы по европеизации российских поселений возглавляло государство в лице императора и элиты, а на местах – подчинявшиеся им губернаторы. Для перепланировки городов в помощь губернаторам из столиц присылались архитекторы. В 1782 г. по указу Сената в штат наместнических правлений были введены государственные должности губернских архитекторов. В XIX в. губернаторам подчинялся целый штат архитекторов – губернских, городских, земских, епархиальных, а также различных ведомственных округов. Все они были представителями русской архитектурной школы, основу которой заложили обучавшиеся за границей петровские пенсионеры.

Таким образом, модернизация России к середине XIX столетия была завершена. Преобразованные российские поселения в первую очередь создавали ее имидж европейской державы, декларированный еще Екатериной II.

В османской столице процессы преобразования в этот период только начинали разворачиваться. В 1839 г. были объявлены новые административно-законодательные реформы, известные как реформы Танзимат. Специального органа, отвечающего в империи за строительную деятельность, не существовало. Лишь в 1831 г. была учреждена должность финансового смотрителя за имперскими зданиями и организована Контора по содержанию имперских зданий (Office of Imperial buildings), полномочия которой в 1849 г. перешли к Министерству общественных работ. Деятельность по городскому обновлению осуществлялась с помощью европейских советников и специалистов, а примерами для подражания послужили европейские столицы, такие как Париж или Берлин [2, 4].

Разработанный в 1835-1839 гг. советником султана, прусским подданным Хельмутом ван Мольтке план Стамбула стал первым в истории империи опытом планирования городского пространства. Проект предполагал реконструкцию существующей планировочной структуры старого Стамбула в пределах городских стен. Назначенные планом главные улицы Divan Yolu-Beyazit-Aksaray-Silivri Capı и Beyazit-Edirne Capı повторяли трассировку главных дорог средневекового города, новые оси прокладывались вдоль берегов Мраморного моря и Золотого Рога, которые связывались поясом, проложенным у подножия городских стен от Edirne Capı до бухты. План, однако, в основном сохранял существующую планировочную структуру, ограничиваясь расширением ряда улиц и устройством площадей. С организацией площади перед мечетью Ая-София и появлением на ней первого здания университета, украшенного мощным колонным портиком, старый Стамбул впервые обрел новые европейские черты [4]. Однако перестройки в старом городе в основном были произведены лишь после пожаров 1850-60-х гг. Только тогда главная городская артерия – Divan Yolu приобрела ширину в 7,5 метров вместо 14, предусмотренных планом Мольтке. Впервые в градостроительной истории города пересечение двух улиц было оформлено восьмиугольной в плане площадью – Aksaray Meydanı, отмеченной мечетью Валиди. Прямые широкие улицы с каменными домами по сторонам были символами новой цивилизации в процессе обновления района султанского дворца Торсаре. Наиболее ярким образцом модернизирующего Стамбула стала знаменитая по роману Агаты Кристи европейская железная дорога – Восточный экспресс, прошедшая под стенами султанского дворца, с зданием железнодорожного вокзала в Sirkeci. Символично, что под их строительство были отданы личные владения султана Абдулазиза. Это частичное разрушение наиболее значимого памятника Оттоманской империи продемонстрировало готовность правителя к жертвам во имя прогресса и будущего империи [4].

Наиболее полное воплощение европейской урбанистической модели получил лишь один из муниципальных районов Стамбула – Pera у крепости Галата, наделенный особым экономическим статусом и западной системой административного управления. Здесь изначально за образец городского развития был взят район Sixieme Arrondissement в Париже. Подобно европейским столицам были разобраны стены крепости Galata, устроены площади и проложены новые улицы, среди которых выделялась Grand Rue de Pera, разбиты первые в городе публичные сады и парки, построен подземный тоннель, ставший ровесником парижского метро. Возведенное здесь муниципальное здание было первым в Османской Турции. Район являлся местом проживания иностранных послов, иностранцев и нового класса буржуазии из христианского меньшинства города. Однако даже в этой части города не все европейские градостроительные идеи получали свое воплощение – задуманная в центре Pera грандиозная площадь с радиально расходящимися от нее улицами так и осталась амбициозным замыслом французских архитекторов [2, 4].

Подобная индифферентность общества к регулярным городским пространствам заставляла турецкие власти оставлять без внимания многие радикальные градостроительные предложения европейских советников, и они более охотно следовали их советам, когда речь шла об отдельных зданиях. Разработанные планы представляли собой западный продукт. Нехватка средств, всякого рода нарушения, как, например, незаконный захват общественных территорий, не осуждаемый исламским законом, приводили к тому, что тюрко-мусульманские пользователи практически сразу меняли эти планы. Городские пространства – улицы и площади не планируются, а являются поведенческим продуктом, создаются жизнью. Восприятие пространства на городском уровне отсутствовало в традиционном исламском обществе, в котором человек осознавал себя лишь членом маленькой социальной группы горожан, проживающих в квартале – mahalla.

В 1848 г. впервые была разработана система регламентации застройки (Ebniye Beyannamesi, Declaration on Building Construction). Регламентации подлежали материал и высота зданий, но не художественный стиль [2, 4], как это было в российской империи, где барокко, классицизм и эклектика внедрялись государством с помощью образцовых проектов. Эта тенденция сохранялась в Стамбуле на протяжении всего XIX столетия, несмотря на рост числа регламентирующих положений, носящих в основном противопожарный характер. Тем самым город в основном сохранял свой традиционный архитектурный облик, и лишь в отдельных сооружениях, в основном общественных, возведенных на средства государства, отражались европейские стилистические течения.

Сравнивая Османскую и Российскую империи можно отметить следующее. В обеих империях идея европеизации городов была весьма привлекательна для властей и, начиная с определенного момента, признавалась и обществом. Однако в отношении этой идеи можно отметить ряд важных различий. Власть и общество в Османской Турции воспринимали друг друга как единое целое в значительно большей степени, чем в России. В частности, если в России, начиная с Петра I, власть рассматривала себя как источник европеизации всего остального общества, то в Турции власть скорее хотела европеизироваться вместе с этим обществом. Иначе говоря, если в оппозиции Европа-Россия российская власть считала себя частью Европы, то в оппозиции Европа-Турция султанский двор относил себя, скорее, к Турции. Данное обстоятельство объясняет тот факт, что в Турции законодательные и административные акты, связанные с урегулированием городского строительства, появились значительно позднее, чем в России. Идеи регулярности проникли в Россию и Османскую Турцию примерно одновременно, однако в законодательные и административные формы они были облечены в Российской империи значительно раньше, чем в Османской. А такая характерная для России форма европеизации, как законодательное внедрение образцовых проектов европейского происхождения, в Османской столице не отмечается вовсе. Это не значит, что европейская архитектура не влияла на турецкую, такое влияние было весьма значительным, но оно никогда не облекалось в административные формы.

Один из основных конфликтов в процессе европеизации, как в Российской, так и Османской империях, можно охарактеризовать как противостояние традиционного патриархального уклада вовлечению свободного населения в общественную и массовую производственную деятельность. Архитектурным выражением патриархального уклада всюду являлись частные усадьбы, окруженные забором, скрывавшим жизнь семьи от посторонних взглядов. Общественная и производственная деятельность требовала развитой системы общественных и производственных зданий, связывающих их улиц и площадей. Если в патриархальном обществе основная жизнь человека протекает в закрытом пространстве, в окружении домочадцев, то в развитом обществе европейского типа она выносится на улицы и площади, в здания мэрий, парламентов и фабрик. Если градостроительным

выражением патриархального общества является система узких улиц и переулков, переходящих в тупики, заканчивающиеся калитками или воротами глухих усадебных заборов, то европейский город – это (в идеале) правильная система широких улиц, проспектов и площадей, на которые выходят своими фасадами как общественные, так и жилые здания.

В России переход к такому городу был совершен посредством законодательных и административных решений. Разумеется, этот переход не был моментальным, еще долгое время во многих российских городах жилые дома ставились в центре участков, а на улицу смотрели своими фасадами службы, которые своим видом должны были создать впечатление, что все требования властей выполнены. В Стамбуле аналогичные решения были приняты только в середине XIX в. Однако даже и в это время осуществлялись они с трудом. Этому способствовало и то обстоятельство, что турецкое законодательство было основано на нормах ислама, согласно которым частная собственность имела приоритет над общественной. Это создавало большие затруднения в перепланировке городов в европейском духе регулярности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bilsel, Cana. The Ottoman Port City of Ismir in the 19th Century: Culture, Modes of Space, Production and the Transformation of Urban Space // 7 Centuries of Ottoman Architecture. A Supra-National Heritage. Istanbul. Yem. 1999. – P. 225-233.
2. Celik, Zeynep. The Remaking of Istanbul. Portrait of an Ottoman City in the Nineteenth Century. Seattle and London. University of Washington Press, 1986.
3. Dostoglu, Nislihan and Oral, Elif. The Physical Transformation of the Ottoman Capital of Bursa // 7 Centuries of Ottoman Architecture. A Supra-National Heritage. Istanbul. Yem. 1999. – P. 234-243.
4. Kuban, Dogan. Istanbul. An Urban History. Istanbul. Yem, 2003.
5. Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII-XIX вв. – М., 1951.
6. Градостроительство России середины XIX-начала XX века / Под общей ред. Е.И. Кириченко. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
7. История Османского государства, общества и цивилизации / Под общей ред. Э. Ихсаноглу. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
8. Нугманова Г.Г. Образцовые проекты в жилой застройке Казани // Памятники культуры. Новые открытия. Наука. – М., 2006. – С. 583-599.
9. Ожегов С.С. Типовое строительство в России в XVIII-XIX веках. – М.: Стройиздат, 1984.